

ОТРАЖЕНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПОЭЗИИ А.Н. БАШЛАЧЁВА

Рок-поэзия представляет важную, своеобразную часть современной культуры, является значимым звеном отечественного литературного процесса. Наша статья имеет своей целью объяснение некоторых особенностей русской рок-лирики на примере текстов одного из видных её представителей, рок-барда Александра Башлачёва (1960 – 1988).

Особенности рок-поэзии, её место в русской литературе и сущность её как явления культуры – проблемный вопрос для современной филологии. Исследователь Е.А. Козицкая даёт интересный и значимый для нас ответ на этот вопрос, опираясь на теорию литературной эволюции Ю. Тынянова и В. Шкловского. «В истории литературы существуют периоды <...> когда сложившиеся эстетические каноны теряют свой смысл, когда выясняется, что традиционные формы уже исчерпали свои возможности. В такие моменты литература, чтобы избежать полного паралича, должна выйти за пределы самой себя и там, вовне, почерпнуть новые жизненные силы: она должна вторгнуться в не-литературу, втянув в свою орбиту «жизненное сырьё», задействовав «неэстетические» планы. Похожие причины вызвали и появление русской рок-поэзии» [1. С.23].

Опора на закономерности литературной эволюции позволяет автору сделать вывод (со ссылкой на Ю.М. Лотмана) о том, что в современном литературном процессе *рок-поэзия занимает срединное положение между «вершинной письменной литературой» и фольклором*, выполняя в определённой степени *функцию массовой литературы*. Массовая литература, считает Козицкая, «выполняет роль резервуара, в котором обе группы текстов обмениваются культурными ценностями» [1. С.25]. В нынешней литературной ситуации функцию подобного резервуара «в какой-то мере <...> несут

именно рок-тексты» [1. С.25]. Данное рассуждение, при всей его спорности, несёт определенный конструктивный смысл и заслуживает тщательного рассмотрения литературоведами.

Исходя из тезиса об однородности (или хотя бы сходстве) явлений массовой культуры и рок-поэзии, можно сделать вывод о присутствии в рок-текстах неизменных структурных элементов «усреднённого сознания». При этом разумно утверждать, что основную долю в интересующей нас поэзии занимает, естественно, рок, или собственно поэтический компонент, а так называемая «концептуализация» находится на периферии актуальных для данной поэтики смыслов. Осознанная работа с концептами как с материалом творчества свойственна в гораздо большей степени поэтам-постмодернистам, современникам и соратникам Башлачёва по андерграунду (типа Пригова, Кибирова, Жданова, Холина), нежели рок-поэтам, творящим в русле отечественной песенной лирики.

Тем не менее, влияние массового сознания на рок-поэзию весьма ощутимо, хоть и занимает в ней не главенствующую роль. Возможно, это даже пересечение подсознательного характера или же мало отрефлектированные авторами обращения к концептам, - однако это не даёт нам права обойти факт данного пересечения стороной.

В творчестве А. Башлачева место массового сознания практически не исследовано, поэтому ниже мы попытаемся обозначить некоторые моменты данного взаимодействия, перейдя в итоге на уровень более глобальных обобщений.

1) Художественное творчество начинается с «появления возможности говорить», считал М.М. Бахтин [2.С. 51]. «Возможность говорить» всегда сопровождается «выбором языка», когда решающее значение приобретают «пробле-

ма тона», «проблема серьезности» [2. С. 50-62]. В этом смысле можно сказать, что Башлачев начал творить достаточно традиционно - со штампов, не «выбирая языка» и «не подыскивая тон». Лирический герой его ранних текстов (1980-1981) - отрешенный от мира романтик с намеренно асоциальными чертами («*мотаюсь по улицам синим, / и, пряча сырые носки, / во всех незнакомых гостиных / без спроса читаю стихи <...>, киваю случайным прохожим, / по лужам иду напрямик, / а вечером спрячусь в прихожей, / поплачусь в чужой воротник*» - говорит он в стихотворении 1980 года. При этом его асоциальность неагрессивна, а как бы задана: молодой автор, претендующий на искренность, в 1980 году не может не быть асоциальным, так как искренность есть обязательный спутник протеста в советской литературе эпохи застоя. Башлачевский протест имплицитно скрыт в тематике его ранних стихов: это не прославление БАМовской новостройки, не призыв к стабилизации международных отношений, не какой-нибудь другой «социальный заказ», которыми занимались официально признанные поэты, а лирические, неполитизированные монологи молодого человека, не находящего места для себя в отлаженной тоталитарной системе. Здесь, в этой заданности роли «неангажированного поэта», содержатся первые проявления массового сознания в творчестве А. Башлачева. Они соотносимы с подобными мотивами, проявившимися в это же время (1980-1981) в творчестве В. Цоя (его песни «Бездельник 1 и 2», «Мои друзья», «Просто хочешь ты знать...») и М. Науменко («Сладкая N», «Придорожный блюз» и др.). Песни этих авторов мгновенно стали популярными среди молодежи Ленинграда и также быстро были забыты, что характерно для «сиюминутных» порождений массовой культуры (подробнее об этом в сборнике «Золотое подполье») [3].

В более поздних текстах (1981-1983) А. Башлачев использует не столько поэтические штампы сознания, сколько идеологизированные клише, приме-

няемые в советской пропаганде. К этим клише он обращается как в целях критики советского общества и советского «маленького человека», так и в целях сугубо развлекательных (поэтических).

2) В первом случае Башлачев использует выражения из передовиц советских газет (которые он прекрасно знал, будучи по образованию журналистом), из новостных программ и выступлений партийных лидеров. Чаще всего эти «штампованные выражения» он применяет в сатирических произведениях. Ср.: *У нас есть место подвигу, всегда есть место доблести, / лишь досугу бездельному у нас тут места нет*, «как подчеркнул в докладе сам товарищ П-пунов», «Событием высокого культурного значения / стал пятый слет - симпозиум районных городов», «Корма - забота общая»,

«Объявлен был упадочным процесс пищеварения», «тем, кто с аппетитами - положена статья», «Мы - одна семья»; «сказка становится былью»; «всемирный праздник голубых соплей», «международный рыбный день»; «трудно в пути», «но всё впереди»; «в рабочий полдень», «я здесь ни с кем бы не пошел в разведку», «уйти в глубокий тыл врага»,

* Мы не указываем источник цитаты (название и страницу), так как главным для нас является метатекст Башлачева, а не конкретные произведения. Все тексты цитируются по книге Башлачев А.Н. Стихи. М., 1997, являющейся на данный момент наиболее полным собранием его текстов.

*«из братских стран мне сообщает пресса», «бряцает амуницией агрессор», «невесело живет без работы / в хваленых джунглях каменной свободы, где правят ЦРУ и Пентагон», «ничего страшней угроз нет», «всё - под откос», «я - щит и меч родной Страны Советов»; «под суровой шинелью»; «как майский салют»; «маршевый шаг вперед, два шага назад»; «трудоу народ», «решил партком единоголосно», «в республике свободного труда»; «из искры возгорится пламя»; «концерты по заявкам сельчан» *.*

Здесь мы привели основные примеры советского пропагандистского и вообще публицистического языка в сатирических произведениях А. Башлачева. В

эпоху застоя все эти и многие другие выражения так сильно заполняли информационное пространство, что действительно сделались фактами массового сознания, то есть неосознанно употреблялись людьми всех социальных статусов. Поэт же «остраивает» обыденные, не вычленимые из речи формулы, употребляя их в неожиданном речевом сопровождении: *«Президиум украшен был солидными райцентрами: Сморгаль, Дубинка, Грязовец и Верхний Самосер <...> Угрюм, Бубли, Кургузово, за ним Семипердов. Чесалась Усть-Тимоница. Залупинск гладил бороду. В общем, много было древних, всем известных городов».*

То же можно сказать и о цитировании «почти сакральных» [4. С. 50] советских песен, в принципе не подлежащих пародийному снижению. Эти культовые в национальном самосознании тексты подвергаются автором редукции, «опошлению», так как «незыблемые ранее ценности оказались под сомнением, сместились этические и эстетические координаты, в сознании советского человека оказались сосуществующими ранее несовместимые идеи и представления, но исчезли твердые нравственные и художест-

венные ориентиры» [4. С. 50]. На широкое поле заимствований из советских песен впервые указал О.В. Палий [5], мы же постараемся дать полную картину этих заимствований, подчеркнув их критически-принижающий характер: *«Мы кузнецы», «У народа нет плохой работы, и каждая работа благодать», «А паразиты - никогда!», «в хоккее играют настоящие мужчины», «нет причины для тоски», «любимый город может спать спокойно и мирно зеленеть среди зимы», «дорога пряма, как школьный коридор», «имея вместо сердца единый пламенный мотор», «на вражьей безымянной высоте».*

Сатирическому осмыслению подвергаются и поведенческие штампы, вос-

принятые из идеологизированных текстов соцреализма: *«хочу с гранатой прыгнуть под колеса (А. Бек), / но зная части проглотить уснуть (Б. Васильев), / Потом молчать на пытках и допросах (А. Фадеев), / а перед смертью - про Катюшу спеть» (Фадеев) [песня «Подвиг разведчика»].*

Советский «новояз» настолько «въедается» в обычную разговорную речь, что может не иметь смысла, функционируя лишь как маркер «социалистического дискурса»: *«Удои с дисциплиной, корма, и вновь корма», «Эх, сумма показателей с высокими процентами! Уверенные лидеры. Опора и пример» («Слет - симпозиум»).*

Необходимо сказать при этом, что осмеяние советского строя и пародирование свойственных ему клишированных дискурсов не было самоцелью поэта. Он – не поэт-сатирик, откликающийся на злободневность и занимающийся скрупулезным подбором цитат. Тексты, имитирующие массовое сознание, занимают лишь часть текстов раннего периода творчества и имеют значение лишь в свете непрерывного поиска автором новых форм поэтического выражения. Их можно назвать даже ученическими, ибо тексты схожей структуры широко представлены в творчестве А. Галича, Ю. Кима, В. Высоцкого. Характерно также и то, что все процитированные тексты относятся к периоду до 1984 года, то есть до «нахождения автором самого себя» [7. С. 165], собственного неповторимого стиля (то, что мы называем онтологической поэтикой).

Итак, **десакрализация «советского языка» с помощью речевых клише и штампов - это вторая из черт поэтики Башлачева раннего периода творчества.**

3) К концептам массового сознания Башлачев обращается не только с целью создания сатирического эффекта. Они могут исполнять также и **текстообразующую функцию**, не неся никаких оценочных коннотаций. Это и есть то, что мы назвали выше «поэтическими целями» использования концептов.

В этих целях А. Башлачев включает в свои тексты те же цитаты из массовых песен и романсов: «однозвучно звенит колокольчик Спасской башни Кремля», «Я устал кочевать от Москвы до самых дальних окраин», «свадьба <...> летела», «среди шумного бала», «враги сожгли родную хату». Употребление общих мест здесь - не сатира, а конструктивный прием, показывающий преемственность поэтических поколений. Характерно и то, что Башлачев не стремится **скрыть** источник цитат, что характерно для «второй волны русского постмодерна» [6] (в частности, творчества Кибирова, Парщикова, Жданова), а выбирает самые «тиражированные» и эмблематичные места, вошедшие в массовый (среди интеллигенции) обиход» (отмечено С. Свиридовым – [7. С. 167]).

Подобную «конструктивную функцию» несут у Башлачева и **бытовые выражения**, соотносимые с речевыми клише. Это речевые обороты из репертуара так называемого «маленького человека», «башлачева» с маленькой буквы» [8. С. 205], несколько отстраненного от самого поэта: «плеск вчерашней волны повышает общий тонус», «наших скромных зарплат хватает только на аборт», «мы в почетном карауле», «не артист, не Янковский, конечно, но чем-то похож», «известна цель визита моего», «я буду к зависти толпы тебя любить любовью страстной», «товарищи слепили строгака», «А так - какие новости?», «годом серьезных мер по борьбе с тоской», «я приглашаю вас к барьеру», «за убеждения и веру плевать с десяти шагов», «он буквально творил чудеса», «словом, был человеком обычным», «согласно прописке», «взяла агитацией в корне наглядной», «по закону отвечать», «признан годным и рядовым».

Подобные сочетания, исходя из определения А.Е. Кибрика*, считаются *несвободными* и представляют собой «устойчивые словосочетания, эквивалентные слову, воспроизводимые по памяти, а

не по правилам». Мы считаем, что именно здесь, **в использовании несвободных словосочетаний**, кроются истоки той поэтики, к которой много позже приходит Башлачев и которую многие исследователи считают отличительной чертой данного автора. Ср.: «семантическая активизация слова» С. Свиридова [9. С. 106], «трансформация фразеологизмов» Шидера [10. С. 205], «подключение языковых конструкций к иным семантическим рядам» Е. Урубывшевой [11.С. 306] и т. п. Суть данной поэтики – **в расширении смысла фразеологического целого за счет реализации метафорических свойств элементов фразеологизма**. Например, «Я шепчу, что, мол, я сгоряча да в сердцах - а в сердцах-то я весь, я в сердцах и каждое бьется об лед, но поет», или «В безрыбной речушке, которую кот наплакал, сегодня любая лягушка становятся раком» и т.д.

По нашему мнению, начало этой поэтики - в *использовании концептов массового сознания*, которые сначала низводятся до уровня *речевого клише*, затем становятся «*несвободными*» словосочетаниями и под конец (высшая форма эволюции для речевого оборота) приобретают свойства *фразеологизма*. Стадильность этого языкового процесса отражена и в творчестве А. Башлачева, который начал с критики «избитого советского стиля» и по ходу этой критики открыл для себя уникальные поэтические ресурсы русской идиоматики.

Анализируя взаимодействие поэтической системы АБ со структурами, порожденными **массовым сознанием**, в частности, с псевдопоэтической позой «асоциального поэта», идеологизированными клише и бытовыми речевыми оборотами, мы приходим к определению роли речевых штампов в творчестве А. Башлачева: привлекая внимание поэта к синтаксически несвободным (знаковое слово!) словосочетаниями, они порождают своеобразную поэтику «семантической активизации слова».

1. Козицкая Е.А. Академическое литературоведение и проблемы исследования в русской рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. Тверь, 1999. С. 21-26.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. М., 1996.
3. «Золотое подполье»: полная иллюстрированная энциклопедия рок-самиздата. Нижний Новгород: Деком, 1994.
4. Козицкая Е.А. «Чужое слово» в поэтике русского рока// Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 1. Тверь, 1997. С. 49 – 56.
5. Палий О.В. «Рок-н-ролл» - славное язычество (источники интертекста в поэзии А. Башлачева) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 2. Тверь, 1998. С. 67-73.
6. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М., 1997.
7. Свиридов С.В. Поэзия А. Башлачева: 1983-1984 гг. // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. Тверь, 1999. С. 162-172.
8. Николаев А.И. Словесное и до-словесное в поэзии Александра Башлачева // Вопросы онтологической поэтики. Иваново, 1998. С.203-208.
9. Свиридов С.В. Мистическая песнь человека (эсхатология А. Башлачева) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 1. Тверь, 1997. С. 94-107.

* Кибрик Е.А. Язык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 605.

10. Шидер М. Литературно-философская направленность русской рок-лирики // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 5. Тверь, 2001. С. 202 – 205.
11. Урубьшева Е.В. Творчество А. Башлачева в циклизации «Русского альбома» БГ // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 207-215